

Творчество жизни

Художник должен перестать писать картины, т. е. перестать изображать или искажать живую жизнь, должен перестать срисовывать дома, людей, солнце и т. д. – и перейти... к чему? Это начало немного напоминает то, что писал когда-то Казимир Северинович Малевич в брошюрке о беспредметной живописи, но это только начало, продолжение совсем другое: ... должен перейти к творчеству новой жизни; конкретно – к производству новых вещей материальной культуры. Так. В этом пожелании или предложении звучит что-то давно и хорошо знакомое – это точка зрения утилитарности, точка зрения собственно писаревская. В принципе этот взгляд не находится даже в противоречии с обычным строем мыслей пролеткульта (пролеткульт не вот тот самый на Караванной, но нарицательно), строем мыслей требующим чтобы пролетарское искусство изображало только рабочих¹, чтобы картины были назидательны – и тоже значит только *полезны*.

Итак значит, так или иначе искусство может существовать, постольку, поскольку оно полезно.

Но вот, мне думается именно при «творчестве жизни» и производстве новых вещей искусство никак не может быть полезным. – Почему? Да потому именно, что это как раз в конце концов противоречит общему несомненному принципу *утилитарности* в современном производстве. Потому что не эстетика руководит жизнью, но сама плетется в конце ея.

Жизнь, стихийно конструируясь, производит (без участия художника) небоскребы, улицы, машины, задвижки, топоры, пилы, винты, различные материалы, инструменты – и вот создан небоскреб, и художник, очарованный его линейной и массовой структурой, поработанный его пространственной математикой, пишет ... небоскреб².

На картинах левых художников более всего заметно поработание художников этой внешней, созданной без участия художника материальной культурой. Эстетика кубизма, кубофутуризма есть результат современного, 20 века, производства. И если почему-либо производство станет другим, - изменится и эстетика.

Однако ж дальше – каков принцип конструкции современного производства? Его принцип – предельная полезность. При постройке небоскреба, парохода, задвижки, сапога, шляпы – в конструкцию вещей художник не имеет права вмешиваться, ибо вещь просто не будет конструктивна, если будет строиться по 2 принципам – полезности и эстетики. Если же эстетику в конструкцию пускать нельзя, то нечего и говорить о творчестве жизни, на долю художника остается очень немного – кой-какое украшение, поприделать кой-какие финтифлюшки, и вот и все – действительно бедное будущее. И еще вопрос, будет ли даже и в этой маленькой области художник полезен. Вот напр. у меня на столе стоит сейчас чашка, Елисаветинская, что ли, с цветочками, и она очень красива, но вот и пожарная лестница тоже красива. При прежнем кустарном производстве вещь выделялась для единоличного пользования, ее частность, ее индивидуальность, интимность, такое любовное отношение производителя именно к ней – в этом вот и есть *ее* красота. У лестницы же другая красота, заключающаяся в ее конструкции, предельной полезности, портативности, легкости, удобстве – и это и есть современное производство. Конструкция вещи находится в *полной* зависимости от ее *предназначения*, художник может к ней прибавить лишь что-то лишнее с этой точки зрения, ибо все, что в ней

¹ Между прочим к этому «изображению только рабочих» я надеюсь еще вернуться, – в сущности эта мысль вовсе уже не так примитивно-банальна, как кажется сначала.

² Во всех случаях я говорю о «левых» художниках. Творчество правых меня здесь не интересует, как не находящееся в темпе.

хорошо, выделяется помимо художника, а значит лишнее, ненужное – ненужно и в действительности.

Художник-архитектор будет строить дом и сделает из него мавританский стиль. Умный же подрядчик построит так: чтобы он был только полезен, построен наиболее экономно (и в этом смысле и мавританский, и архипсковский стили окажутся – от лукавого), постарается использовать максимум пространства с наибольшей выгодой; т.е. постройка диктуется целями утилитарными и здесь нужны совсем не художники, но очень и очень хорошие техники-математики, способные утилитарно конструктивно мыслить и совершенно абсолютно лишенные всякого художественного вкуса. И вот это единство принципа конструкции, утилитарность создадут красоту, а красота создаст нас художников. Все современные вещи потому и красивы и хороши, что связь их частей, необходимость каждой части диктуется только полезностью, и чем этот принцип проведен *действительнее*, тем вещь лучше.

Те же предметы, при производстве коих этот основной принцип производителями не вполне уяснен и кои имеют еще лишнюю, побочную эстетическую цель – плохи (если художник на фабрике плох) или никчмны (если художник хорош).

Для какого же прикладного искусства тогда хотят приспособить художников? Для производства предметов роскоши?

Для украшения вещей, уже существующих?

Тогда зачем же говорят о чем-то новом, о переводе художников с дела бесполезного на дело полезное. Серьезные люди и всегда вот так говорили; и дела вот так обстояли – и украшали художники, и производили предметы роскоши.

Но все таки как же: финтифлюшки или картины?

Нет, для того чтобы пролетариат получил действительно хорошие вещи, для того чтобы красивы были не только машины да плуги – нужно чтобы принцип утилитарности еще полнее был проведен на *всех* производствах; и в конце концов стул, обыкновенный стул будет красивее, если будет выделан на принципе конструктивной полезности, чем если бы все обюссоны со всеми своими художниками придумывали, как бы его сделать покрасивее. А художник ... что же ему останется сделать? ну хоть эскиз для фабричной марки: - та маленькая «прикладная» область, что за за ним числилась – так при нем и останется.

Худ. Иван Пуни.

От редакции. Затронутый худ. Пуни вопрос о взаимоотношении искусства и производства чрезвычайно важен. Предлагаем всем заинтересованным высказаться на столбцах нашей газеты.